

Полтора месяца с Большим балетом

Черная, как смоль, южная ночь давно распласталась над Каракасом, а из окна высотного «Хилтона», не боясь местных блюстителей тишины, лилась на волю раздолбая русская песня. «Лучина», «Ямщики», «Любо, братцы, любо»... выводи стройный хор молодых голосов. Большой балет прощался с венесуэльской столицей — завтра предстояло лететь в Москву. Сорочка-каленые гастролы по Латинской Америке завершились.

Однако прежде, чем последовательно рассказать о них, все же позволю себе подробнее остановиться на деталях последнего вечера. Потому что это были не традиционные наши русские «посиделки», а день рождения джаз-клуба, созданного артистами Большого балета. И хотя его презентация (употреблю модное нынче словечко) состоялась в Каракасе, ансамбль сложился гораздо раньше. Ведь Гоше (Андрею) Меланину нужно было успеть выучиться играть на трубе, а Гене (Гедминасусу) Таранде освоиться с губной гармошкой. Кстати, эти музыкальные инструменты были приобретены ребятами за свободное конвертируемую валюту во время поездки. Прекрасным гитаристом проявил себя Александр Ветров, а Дмитрий Перегудов не только играл, но и выступил как композитор: на слова уже названного Гоши Меланина он, например, сочинил чудесную серенаду, которую представили слушателям члены джаз-клуба. А вот лирические песни о любви доверено было исполнить надежде ансамбля — Саше Фадееву. Его баритон замечательно прозвучал в концертный микрофон, приобретенный на средства спонсора — Юрия Васюченко.

Действительно, если люди талантливы, то они талантливы во всем. И я рада, что смогла узнать этих людей, убедиться в их разносторонней одаренности. Первое, что поразило, — работоспособность, что бы ни было — обязательный утренний «класс», потом целый список репетиций, которые в очередь вели балетмейстер-репетиторы Г. С. Уланова, М. Т. Семенова, Р. К. Карельская, В. Л. Николаев, Г. З. Ситников и В. С. Воробько. И какой венец трудового дня — спектакль или даже два, так называемый «двойник». Порой такое бывало сразу после очередного перелета, когда времени на отдых не оставалось вовсе, и артисты буквально из аэропорта попадали на подмостки. Я удивлялась их умению быть постоянно в форме, мгновенно осваиваться на незнакомых площадках.

Однако руководитель гастрольной поездки В. П. Захаров, благомерно выслушав как-то мои женские восторги, отрезвил. «Они же профессионалы», — сказал он, — это для них обычная работа». И я ведь я уже воздерживалась от излишних дифирамбов, давая выход своим эмоциям, лишь сидя в зрительном зале. Признаюсь, регулярно бывая на спектаклях балета Большого театра в Москве, я не слышала такого шквала аплодисментов, что обрушивали на наших артистов неистовые латиноамериканцы. Они ахали деляи выходя своему темпераменту, тем более, что причина для этого была достаточно весомой — они открывали для себя всемирно знаменитый Большой балет.

Первыми сделали такое открытие жители парагвайской столицы. И началось оно в международном аэропорту Асунсьона, где впервые приземлился советский самолет, который и доставил долгожданных артистов. Однако Г. С. Уланову и М. Т. Семенову, прилетевших с труппой, даже здесь узнали многие. Дело в том, что в Парагвае живет довольно большая колония потомков бывших эмигрантов — выходцев из России. И хотя почти никто из них никогда не бывал на своей исторической Родине, знают они о нас, нашей жизни, культуре довольно много. И, конечно, о балете Большого театра они тоже знали. Более того, правнук великого русского ученого А. М. Бутлерова — Виктор Бутлеров поведет интересный факт: оказывается, дочь русского генерала Николая Эрнста стала в свое время первой прима-балериной Парагвая, а затем открыла здесь школу танца.

Однако, несмотря на это, в Асунсьоне на нашлось помещение, в котором мог бы выступить Большой балет. Пришлось приспособить спортивный комплекс, где специально была сооружена сцена, на которую не пожалели дорогостоящего красного дерева. И хотя в эти подмостки совместная советско-парагвайская «стройбригада» вложила максимум труда и таланта, все же они не вполне отвечали требованиям, предъявляемым к театральным площадкам. Но артисты с честью преодолели технические сложности и показали свое искусство во всем совершенстве и великолепии. В первый вечер их программа включила один акт «Спартак» и дивертисмент из

фрагментов лучших классических и советских балетов. Второй гала-концерт начинался «Жизелью».

Надо было видеть, как нарядные дамы в мехах и драгоценностях и высокопоставленные сенаторы буквально «пристуком» брали вход в спорткомплекс, расталкивая друг друга локтями, чтобы поскорее попасть туда, где выступает Большой балет. Замечу, что фразу: «Нет ли лишнего билета?» я не услышала ни разу. Произносить ее здесь было бессмысленно: в Асунсьоне танцовщики Большого должны были дать всего лишь два спектакля, и билеты, стоимостью от 45 до 130 долларов, были распроданы за два месяца вперед. Так, например, министр промышленности и торговли Антонио Маскарда, по его личному признанию, вовремя не побеспокоился и билета не достал. Удачливее, а скорее предусмотрительнее оказался его коллега — министр иностранных дел Алексис Визкен, назвавший приезд Большого театра «важным событием последнего времени», поставив его по значимости в один ряд с недавним визитом в Парагвай группы советских парламентариев. Добавлю, что на открытие гастрелей присутствовал Президент страны Андрес Родригес.

Здесь я сознательно нарушу хронологию гастрелей и пока пропущу Аргентину, где Большой балет за время нынешнего турне выступал дважды, а вспомню наиболее яркие эпизоды, связанные с пребыванием в Чили. Там Большой театр еще никогда не был. И потому было особенно приятно, что открытие первых гастрелей здесь прошло в прямом смысле слов на самом высоком уровне, в присутствии всего кабинета министров во главе с Президентом страны Патрисио Эйляном.

— Это восхитительно, удивительно, превосходно, — такими восторженными эпитетами оценил глава государства выступление советских артистов. Выразив зрительские впечатления, П. Эйлян, однако, продемонстрировал и прозорливость политика, заметив, что главный балетмейстер Большого театра Юрий Григорович должен, очевидно, обладать твердым характером, чтобы так образцово и профессионально руководить столь многочисленным и сложным коллективом. А Президенту есть с чем сравнивать: ведь в муниципальном театре Сантьяго, где, кстати, проходили

спектакли Большого балета, работает самая сильная балетная труппа в Латинской Америке.

Гала-концерт и «Вечер Петипа» составили чилийскую афишу советских артистов, и все они прошли при аншлагах. Кроме столицы, труппа выступила также в прелестном курортном городе Винья дель Мар. И там тоже бурные овации. Однако не стану скрывать: больше всего и руководство, и самих артистов волновала новая встреча с аргентинской публикой. Пять лет назад балетная труппа Большого имела в Буэнос-Айресе огромный успех. И на сей раз требовалось непременно его подтвердить.

А началось с того, что первый спектакль прошел на пределе артистических возможностей. Как выяснилось на месте, Большой «вклинился» в рабочий ритм Колона, нарушив график подготовки к предстоящей премьере «Свадьбы Фигаро». Из-за возникших в связи с этим накладок «Жизель» прошла без генеральной репетиции. И как прошла — на «бис!». В такой же атмосфере прошли и другие спектакли. А побывавший на «Вечере Петипа» Президент Аргентины Карлос Менем сказал, что восхищен до слез, и попросил Ю. Н. Григоровича поблагодарить от его имени всю труппу за доставленное удовольствие.

Каково же было удивление труппы, когда на следующий же день, выступая по радио с докладом о заседании кабинета министров, Президент закончил свою речь... советом всем своим согражданам непременно посмотреть Большой балет. Хотите — верьте, хотите — нет. Но так было. Вот она — великая сила искусства.

Думаю, что здесь как раз к месту привести и высказывание известного аргентинского танцовщика Хулио Бокка, с которым довелось встретиться в Буэнос-Айресе. Он, в частности, заметил, что хотя и не вполне согласен с такой постановкой акта «Тени» из «Баядерки» (он входил в программу «Вечера Петипа»), но это тоже очень интересно. В июле будущего года он собирается пригласить Наталью Макарову, чтобы вместе с ней поставить этот балет в Колоне. Что же касается Большого балета в целом, то, по мнению артиста, московская труппа гораздо лучше всех других, ныне существующих и в мире. Хулио Бокка признался, что с радостью еще станцевал бы на сцене

Большого. Однако сейчас, так получилось, сказал он, что я активнее сотрудничаю с Кировским театром, и, возможно, поэтому Юрий Николаевич не захочет пригласить меня. Я, конечно, попыталась выяснить отношение Юрия Николаевича: он немало удивился такому вопросу и ответил, что будет только рад, если москвичи смогут увидеть одного из самых лучших танцовщиков планеты.

Однако вернемся к гастрोलю. Тем более, что следующая глава оказалась чрезвычайно трудной. Сначала эти сложности коснулись постановочной части, которой руководил А. С. Пятковский. Как выяснилось, освещение в Луна-парке, где были назначены гала-концерты Большого балета, было настроено на собственную шоу-программу, и директор популярного комплекса никак не соглашался ничего менять. Но наши специалисты сделали невозможное: концерты Большого, как всегда, прошли в прекрасном обрамлении. Аллодисменты многотысячного зала были настолько бурными, что порой заглушали музыкальное сопровождение. Особенно, когда на сцене оживало «Танго из «Золотого века», «Ведь это же Аргентина», — радостно говорили артисты, благодарные за горячий прием.

Только 19 августа они вспомнили о грустных впечатлениях, связанных с этой доброй, гостеприимной страной — именно здесь пять лет назад, также находясь на гастролях, Большой балет узнал о чернотыльской аварии. А этот раз весть была пострашнее: в Москве произошел военный переворот. Казалось бы, какие могут быть балеты, когда дома ТАКОЕ! Но есть контракт, и на следующий день два спектакля в Кордове. Говорили, говорили только об одном: что в Москве? Беспрекословно спрашивали друг друга, замучили переводчиков, которые переводили абсолютно все, что удавалось услышать по радио или узнать из телепрограмм. С тяжелым настроением прилетели в Кордову. А было это утром 20 августа. Через несколько часов начался первый концерт. За кулисами не прекращалось собрание, разграниченное со сцены, в него включались отбавившие свою партию артисты. И вот из Москвы начали поступать более обнадеживающие сообщения, путч, похоже, захлебывался. И эти новости давали и ребятам такую неведомую силу, что второй концерт прошел при оглушительной овации. А перед зданием театра в эти самые мгновения вспыхнула манифестация в защиту свободы и демократии в СССР. И [Окончание на 4-й стр.]